

Коровин К. Случай с Аполлоном // Возрождение (Париж). 1931.
2 августа. № 2252. С. 3.

Случай съ Аполлономъ

Бываетъ въ жизни такъ: при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, получается совершенно наоборотъ...

Однажды у насъ въ Москвѣ случилась ошибка — пустяшная, какъ бы это сказать: недоразумѣніе въ области науки.

А именно общество людей хорошихъ и почтенныхъ создало въ Москвѣ училище живописи, ваянія и водчества, откуда вышли художники, архитектора и вашъ покорный слуга, и это московское художественное общество однажды резонно нашло, что художникамъ надо дать лучшее образование, поднять ихъ научнымъ познаниемъ.

Вотъ и назначенъ былъ новый директоръ. Преподаватели радовались, съѣли ученики. Въ прекрасную квартиру ("отопленіе и освѣщеніе") пріѣхалъ новый директоръ, человекъ серьезный, роста побольшого... Его фамилію я теперь забылъ: не то Випнеръ, не то Гриннеръ. Назовите — память стала забывать.

Преподаватели наши были все художники славные: Саврасовъ, Перовъ, Прянишниковъ, братья Павелъ и Евграфъ Соколовы, Ползновъ, Маковский — шибко люди умершіе.

Собрались учителя и ученики въ автобусъ заѣхъ прекрасной школы нашей по-

слушать новаго директора. Онъ появился на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ былъ накрытъ зеленымъ сукномъ небольшой столъ, въ синѣ-мундирѣ и при орденѣхъ. Посмотрѣвъ на насъ строго сквозь большие роговые очки, новый директоръ сказалъ:

— Отсутствіе знанія въ художникахъ лишаетъ ихъ произведенія смысла, который они должны имѣть... Вотъ примѣръ: картина Кундзи "Украинская ночь", вызвавшая столько шума въ публикѣ и имѣвшая такой успѣхъ. Однако, художникъ ошибся... Великій, кто зналъ бы хотя бы немного съ астрономіей, видя, что на картинѣ Кундзи вѣтъ звѣздъ какъ наго совѣзда...

— Скажу, что не только художники, — продолжалъ директоръ, — но и помимъ русскіе отличались недостаткомъ научныхъ знаній. Вотъ хотя бы прославленный Пушкинъ не зналъ ботаники... Онъ напи-

Люблю вашъ суиразъ нежизненный
И ваши тайные пѣтны...

— Какъ же это "тайные"? Позвольте! Названія цвѣтовъ все извѣстны. Не секретъ! Никакихъ тайныхъ цвѣтовъ въ

природѣ не существуетъ... Другой случай: Лермонтовъ, тоже поэтъ знаменитый, въ зоологіи дѣлалъ непростительные промахи. Вотъ его стихи:

И Терекъ прыгаетъ, какъ левина,
Съ косматою гривой на хребтѣ.

Какая же у лвицы грива? Гдѣ же-съ? Грива у льва, а лвица безъ гривы. Только мифологія античныхъ грековъ не дѣлала ошибокъ: боги ихъ и мѣзы имѣли реальны образъ людей.

— Позвольте спросить, господа директоръ, — вдругъ раздался голосъ одного изъ учениковъ, по фамиліи Пустышникъ, — а что и теперь въ Греціи есть центавры?

Все какъ, то сразу приумолкло...

Еще случай... Въ залахъ прекрасной школы нашей стояли античны статуи — гипсовыя копии съ Венеры Милосской, Аполлона Бельведерскаго, Лаокоона, Германиа, Вакха, Дианѣ, Гладіатора, Геркулеса и др. И все они, какъ есть голыя...

Это показалось нашему мужу шутки несовсѣмъ приличными. Прежде, въ Элладѣ, все это ничего, ну, а теперь въ Москвѣ, хотя, конечно, она и гипсовая, да все же нехорошо, какъ будто...

И вотъ позвалъ новый директоръ мастеровъ-штукатуровъ, заказавъ имъ виноградныя листья и въ одну ночь все незаметно исправилъ: вѣтви украсились листьями. Аполлонъ, Лаокоонъ съ сыновья-

ми и даже Венера — все прикрывшись листьями.

Все бы ничего... Но тутъ кто то (изъ учениковъ, должно быть) взялъ потихоньку и нацѣплялъ Аполлону штаны, такіе легонькіе, въ полоску. Онъ продолжалъ это ночью, а утромъ все школа хохотала.

И началось... Преподаватели засѣдали, члены Академіи Художествъ пріѣхали изъ Петербурга. Засѣдали долго и рѣшили вновь снять виноградныя листья. Но какъ позитивный утреченіе? — Гинсы стили ливой операцией бѣжали до извѣстной степени некачественны. Надо въ Римъ отправлять, въ Парижъ — формовать... Невозможно!

Вся Москва тогда потѣшалась. А московскій генералъ-губернаторъ, въ ту пору — князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій, былъ попечителемъ училища. И вотъ меня, ученика, вызывали въ канцелярію школы и приказывали явиться къ одиннадцати утра въ контору самого генералъ-губернатора, на Тверскую.

— Не знаете ли, зачѣмъ? — спрашиваю.

— Тамъ узнаете. — сухо отвѣтилъ мнѣ писмоводитель и далъ письмо отъ инспектора...

Иду я и думаю: "что бы это значило?" Вѣдь я стипендіатъ князя. Самъ выбралъ за учѣбу. Въ чемъ дѣло?"

Пришелъ, секретарю письмо подаль. Секретарь прочелъ и сказалъ курьеру:

— Проведи къ князю.

Въ большой компаніи съ каменными поломъ, около плиты стоялъ небольшого ро-

ста сѣдой, плотный и бодрый старикъ. Военная тужурка была расстегнута, въ рукахъ онъ держалъ вертелъ, на которомъ были куски мяса. Онъ положилъ вертелъ въ открытую плиту. Гдѣ пылала огонь. Около стояла изящно одѣтая въ черны шелкъ женщина съ небрежно набитыми волосами. Ея красныя и ласковыя глаза съ улыбкой смотрѣли на меня. Она сказала:

— Ты знай, красивый мальчикъ, нехорошъ сердитъ твой добрый паша-завникъ. Ступай на мой Паркъ получишь изящный майсеръ, снимай шляпа, предъ твоимъ добрымъ экзельманъ.

— Аполлону надѣть штаны! — сказалъ по-французски Долгорукій. Нѣтъ! Вотъ — правильно. Это ты сдѣлаешь?

— Нѣтъ, не я, — отвѣчаю.

— А кто?

— Знаю, но сказать не могу.

Старикъ Долгорукій, пристально посмотрѣвъ на меня:

— Передай имъ, что шутить довольно, иначе это уже пошло бучать. Вѣдь Аполлонъ — нашъ богъ... Пошлость не можетъ быть рядомъ съ высокимъ. Ступай... На другой день шелъ дождь.

Я видѣлъ, какъ около подъѣзда училища домытые ташина роль и мебель изъ квартиры директора: онъ убѣжалъ...

— - - - -

Вскорѣ я получилъ серебряную медаль за живопись. Левитанъ тоже. Въ училищѣ состоялся торжественный годичный актъ. Въ огромномъ чудесномъ залѣ Растрелли за большимъ столомъ сѣлалъ чле-

ны художественнаго общества и преподаватели. Посерединѣ — князь Долгорукій, рядомъ съ нимъ — княгиня С. С. Голицына. Выдавали дипломы школы и награды.

Меня вызвали. Долгорукій вынулъ изъ кармана медаль и передалъ Голицыной, а та положила мнѣ блестящій кружочекъ въ протянутую руку въ белой перчаткѣ. Долгорукій, смѣясь, что то сказалъ ей, пожимая на меня. "Это про Аполлона", подумалъ я. Голицына засмѣялась. Долгорукій передалъ мнѣ два запечатанных конверта. После этого, я отошелъ къ ученикамъ и видѣлъ, какъ Левитанъ тоже получилъ медаль и конверты.

Церемонія окончилась. Мы оба съ Левитаномъ, удалившись въ уголокъ натурнаго казаса, вскрыли конверты: въ нихъ оказались дипломы на знаніе художника и потомственного почетнаго гражданина. Въ другомъ конвертѣ были бумажки по сто рублей, совершенно помы.

Мы тотчасъ поѣхали къ Антону Павловичу Чехову — знать его въ Сокольники. А. П. посмотрѣвъ на наши медали и сказалъ:

— Кружка! Не настоящія.

— Какъ не настоящія! — удивился Левитанъ.

— Конечно. Ушконъ то пѣтъ. Носить нельзя. Вѣдь обманчивы — ясно.

— Да ихъ и не носить, — утѣряли мы.

— Не носить!... Ну, вотъ. Я и говорю, что ерунда. Посмотрите въ городонныхъ, вотъ это медали. А это что? — обманъ.

К. Коровинъ.